

Сирийский кризис:
тернистое движение
от войны к миру

Александр Аксёнок

Об авторе

Аксенёнок Александр Георгиевич

Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации,
вице-президент Российского совета по международным делам (РСМД)

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Второе десятилетие 2000-х гг. началось с череды протестных взрывов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые оказали дестабилизирующее воздействие на весь регион. Причём не только на страны, где произошла насильственная смена режимов. Выход из глубокого кризиса, носящего системный характер, до сих пор не найден. В большинстве стран начались нужные, пусть и запоздалые, социально-экономические реформы с трудно прогнозируемым пока результатом (Египет, Тунис, Марокко, Иордания, Саудовская Аравия). В других частях арабского мира вопрос о власти решается через гражданские войны (Сирия, Ливия, Йемен). Здесь сплелись в один запутанный узел «легитимные» и «нелегитимные» правительства, многочисленные «народные милиции» и террористические группировки, иностранные контингенты — все эти скрытые и явные инструменты геополитического соперничества «нового типа».

В итоге регион по-прежнему остаётся источником насилия и терроризма, тяжёлых внутригосударственных потрясений, гуманитарных катастроф мирового масштаба и миграционных волн. Цена революций, вызванных ими материальных разрушений и внешних вмешательств, оказалась слишком высокой, и нельзя исключать новых рецидивов.

Специфика конфликта

Сирийский кризис, хотя и отражает общую картину болезненного состояния широкого ареала Ближнего Востока, всё же представляет собой особый случай. Он стал следствием глубинных перемен в расстановке сил на глобальном и региональном уровнях, незавершённости и разнонаправленности мировых процессов. Можно без преувеличения сказать, что именно здесь сфокусировалось большинство геополитических, идеологических, социальных и этно-конфессиональных катаклизмов XXI в.

Стратегия «смены режимов» США и их европейских союзников в бывшей Югославии, Ираке, Ливии и, наконец, на Украине стала тем полем, где прошли линии размежевания между Россией и Западом. Образовался разрыв между политикой «свершившихся фактов» и «политической целесообразности», с одной стороны, и ключевыми принципами (национальный суверенитет, территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела и неприменение силы вне рамок и процедур, установленных Уставом ООН) того миропорядка, который сложился по итогам Второй мировой войны – с другой. В плоскость острых международных дебатов был поставлен также вопрос о правовых основаниях лишения режимов, неугодных той или иной группе государств, статуса международной законности.

Конфликт в Сирии разворачивался в тот исторический период, когда отношения России и США от бывшего партнёрства конца 1990-х – начала 2000-х гг. постепенно, но неуклонно сползали к конфронтационной модели времён холодной войны, хотя и со своими новыми чертами. Общепризнанные нормы международного права подвергались ревизии в одностороннем порядке, а коллективного «механизма разрешения кризисных ситуаций», к чему призывала Россия, выработано не было. Такой механизм, как предлагал президент России в своём выступлении на Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2014 г., мог бы включать в себя «внятную систему взаимных обязательств и договорённостей» и «чёткие условия, при которых вмешательство является необходимым и законным»¹.

Затяжной сирийский кризис поставил международное сообщество перед серьёзным вызовом: способно ли оно стабилизировать взрывоопасные конфликтные очаги совместными усилиями или верх возьмёт силовое соперничество в продвижении геополитических интересов и непомерные амбиции региональных центров силы. В этом смысле конечный исход гражданского противостояния в Сирии будет иметь последствия, выходящие далеко за региональные рамки. В Москве убеждены: то, каким образом разрешится ситуация в этой стране, может стать в дальнейшем моделью реагирования мирового сообщества на внутренние конфликты в развивающихся государствах.

В годы националистического подъёма Египет называли «головой арабизма», а Сирию – его «сердцем». В этом есть что-то исторически

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2014. 24 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>

предопределённое, хотя с тех пор многое изменилось. Понятие арабизма потеряло своё прежнее звучание, Египет утратил позиции лидерства, появились новые центры финансового и политического влияния в Персидском заливе, возвысилась роль «неарабских регионалов», таких как Турция, Иран, Израиль. Изменившаяся расстановка сил на региональном уровне сделала Сирию ареной, где опосредованно и уже в других исторических условиях развернулось столкновение суннитской Саудовской Аравии и шиитского Ирана — этих двух религиозных центров и апологетов ведущих течений в исламском мире². На конфессиональной почве выросло и такое новое проявление международного терроризма, как средневековое государство в виде арабского халифата, что придало конфликту многомерный характер. С развёртыванием полномасштабной гражданской войны в центре арабского мира туго переплелись где-то сталкивающиеся, а в чём-то и совпадающие интересы множества вовлечённых сторон, что затрудняло поиски взаимоприемлемых договорённостей и делало коалиционные связи подвижными и двусмысленными. Всё это в конечном счёте предопределяло длительность, кровопролитность и жестокость противоборства.

На территории Сирии в отличие от других конфликтных очагов в Азии и Африке находятся в непосредственной близости воинские контингенты и военные базы шести иностранных государств (России, Ирана, Турции, США, Франции и Великобритании) со своими сферами политического притяжения. Причём только Россия и Иран — на легальном международно-правовом основании, то есть по приглашению сирийского правительства. В воздушном пространстве страны проведены линии раздела. Столь компактное иностранное военное присутствие, в том числе в виде негосударственных военизированных формирований (*proxies*), не только таит в себе непредсказуемые риски, но и даёт в руки каждого из этих игроков «на земле» военно-политические инструменты, позволяющие срывать любой неприемлемый для него финальный исход. В зеркале сирийского кризиса отразился также рост влияния региональных акторов, которые ведут собственные «партии» в большой ближневосточной игре, всё чаще не совпадающие с глобальными интересами крупных держав.

Специфика и вместе с тем трудноразрешимость сирийского кризиса состоит ещё и в том, что многосторонние переговоры о будущем государственном устройстве проходили на фоне непрекращающихся

² *The Iranian–Saudi Hegemonic Rivalry // Belfer Center. 2017. October 25. URL: <http://www.belfercenter.org/publication/iranian-saudi-hegemonic-rivalry>*

военных действий с короткими перерывами на хрупкие соглашения о прекращении огня и «зоны деэскалации». В международной практике региональных конфликтов институциональные реформы обычно начинаются после завершения военной фазы. В сирийском урегулировании договорённости о реформах такого рода между непосредственными участниками конфликта при международном содействии должны стать, по сути, условием прекращения военных действий и направления общих усилий против сохраняющейся террористической опасности.

В контексте революционных вызовов современного мирового развития сирийский кровопролитный конфликт стал ещё одним свидетельством того, к каким тяжёлым последствиям для государства и общества может привести недооценка важности проведения назревших политических реформ и допущенные просчёты с выработкой тактики дальнейших шагов после первых проявлений антирежимных настроений.

Режим Асада полагал, что после проведённых экономических реформ Сирия, как «бастион антиамериканизма» на Ближнем Востоке, в отличие от считавшихся прозападными Туниса и Египта, имеет особый иммунитет. Показательно в этом отношении интервью сирийского президента 31 января 2011 г. газете «Wall Street Journal», в котором он заявил, что, несмотря на все трудности, «Сирия остаётся стабильной», и для быстрых перемен «время ещё не пришло»³. Зная критическое отношение отца нынешнего президента Сирии Хафеза Асада к горбачёвским реформам и их последствиям вкупе с неудачным опытом демократизации Алжира⁴, можно предположить, что этими соображениями в числе многих других объясняются колебания и непоследовательность Башара Асада задолго до начала массовых протестов, принятие им с запозданием ряда важных политических решений.

Кстати, Алжир конца 1980-х – начала 1990-х гг. даёт нам обратный пример. Искусственное форсирование демократических реформ в разделённом обществе также приводит к гражданскому противоборству, которое длилось в Алжире десять лет (1991–2000 гг.) и может начаться вновь.

³ Wieland C. *Syria – A Decade of Lost Chances. Repressions and Revolution from Damascus Spring to Arab Spring // The Wall Street Journal*. 2012. January 31. Cune Press, Seattle, P. 29.

⁴ Автор в этот период имел встречи с ним в качестве временного поверенного в делах СССР в Сирии и был впоследствии послом СССР, затем России, в Алжире.

Текущее положение на карте военного противоборства

Крупным планом восьмилетний сирийский кризис можно разбить на два этапа: до решительного военного вмешательства России в сентябре 2015 г. и после того, как российские военно-космические силы развернули операции в Сирии, что позволило восстановить контроль Дамаска над большинством потерянных территорий, уничтожить военную инфраструктуру ИГИЛ⁵ и других террористических группировок.

Спорадические антиправительственные выступления в конце февраля – начале марта 2011 г. носили вначале мирный характер. Лозунги, выдвинутые оппозицией, не выходили за рамки политических требований расширения прав и свобод, продолжения начатых и ранее обещанных реформ. Критическая масса протестов стала волнообразно распространяться по всей стране после того, как верх в сирийском руководстве быстро взяли всесильные силовые структуры, требовавшие перейти от уступок к военному подавлению восстания. В апреле – мае против мирных демонстраций были задействованы тяжёлые виды вооружений. Законодательные меры по частичной либерализации политического режима, призывы к началу национального диалога и даже принятие новой конституции в феврале 2012 г. уже не смогли разрядить обстановку. Милитаризация конфликта стремительно нарастала.

Сирийская оппозиция, представленная политической эмиграцией и в основном подпольными организациями гражданского общества с разношёрстными идеологическими установками (от либералов до троцкистов и радикальных исламистов), сама по себе не могла представлять угрозу режиму с отлаженным механизмом жёсткой авторитарной власти. Быстрый, по сути одномоментный, переход к военной фазе был эффектом поразительной синергии, вызванной взрывом стихийных протестов с широким применением современных технологий связи, непропорциональным военным ответом властей, дезертирством из армии в сочетании с массовым вбросом боевиков и вооружений через границы соседних с Сирией государств при прямой поддержке Турции и финансовой подпитке со стороны арабских монархий Персидского залива, в первую очередь Саудовской Аравии и Катара. Лидеры

⁵ Организация запрещена в России.

регионального окружения Сирии имели к тому же «старые счёты» с Башаром Асадом, отношения с которым в предшествующий период колебались от тесного сотрудничества до взаимных нападков и обвинений. Конфессиональные факторы существенной роли вначале не играли, но с расширением военных действий и вовлечением новых участников использовались всеми сторонами в качестве мобилизационного ресурса.

США и ведущие страны Евросоюза сразу объявили режим Асада нелегитимным, признали политическое крыло оппозиции законным представителем сирийского народа и развернули давление на Дамаск через ООН и другие международные площадки. Лига арабских государств (ЛАГ) приняла беспрецедентное в своей истории решение о приостановке членства Сирии в этой организации. На тот момент цель свержения режима по ливийскому сценарию была объединяющим началом в сформировавшейся антиасадовской коалиции. Со временем конфликт интересов между США и их региональными партнёрами, а также между самими крупными игроками в регионе (Турцией, Саудовской Аравией, ОАЭ и Катаром) привёл к переменам в конфигурации коалиционных связей, что придало сирийскому кризису новые измерения.

Однако первая рефлекторная реакция, как это особенно видно с высоты сегодняшнего дня, стала крупным политическим просчётом, что признаётся сегодня солидными западными экспертами. Соединённым Штатам не удалось создать прочную военно-политическую опору среди арабской части вооружённой оппозиции — «оружие всё время попадало не в те руки» — и отделить «умеренных исламистов» от быстро размножавшихся террористических организаций. Но настойчивые требования об уходе Асада постоянно подстёгивали иллюзии оппозиции о возможности военной победы, разжигали соперничество в её рядах в борьбе за политическое влияние и контроль над потоками вооружений и внешнего финансирования. Безоговорочная поддержка оппозиционного движения, в котором быстро набирали силу «джихадисты», связанные с ИГИЛ и «Аль-Каидой»⁶, предопределила слабость американской дипломатии, лишило её свободы манёвра. Это делало Вашингтон заложником непомерных требований эмигрантских политиков и их региональных спонсоров. Дело дошло до того, что политика США стала слишком явно играть на руку терроризму, которому американцы сами объявили войну. С особой очевидностью это проявилось летом 2014 г., когда военные успехи ИГИЛ в Ираке и Сирии поставили администрацию Барака Обамы в ещё более щепетильное положение.

⁶ Организация запрещена в России.

В 2012–2015 гг. внутренние ресурсы Дамаска для отражения военного давления изнутри постепенно истощались. Вооружённая оппозиция расширяла зоны своего территориального контроля не только на севере и востоке страны, куда шёл перелив радикальных исламистов из Ирака, но и в центральных густонаселённых районах. Сирийская армия не была готова к тактике боёв в городских условиях и постепенно переходила к оборонительным действиям, сосредоточив усилия на защите дальних подступов к столице, стратегических узлов и важных транспортных коммуникаций.

Вступление в вооружённые действия отрядов ливанской «Хизбаллы» в 2012 г. и наращивание прямой военной помощи со стороны Ирана, в том числе с привлечением шиитских ополчений из Ирака, Афганистана и Пакистана, позволило на время затормозить продвижение к жизненно важным центрам, но обострило межобщинное взаимодействие, придав конфликту особое ожесточение. Иран, установивший тесные отношения с Сирией ещё с середины 1980-х гг., сумел за годы региональных потрясений укрепиться в Ираке и Ливане и создать протяжённую военную инфраструктуру под своим контролем. Сирийская территория рассматривается иранцами как ключевое звено в стратегии национальной безопасности, в основу которой заложено противодействие Саудовской Аравии и её претензиям на лидерство в исламском мире. После того как США при администрации Дональда Трампа вышли в одностороннем порядке из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и перешли к антииранской тактике экономического и политического давления, региональная стратегия Ирана подвергается самым серьёзным испытаниям. В условиях большого финансового бремени, растущих экономических трудностей и людских потерь в сирийской войне на поверхность всё чаще всплывают признаки внутреннего недовольства⁷. Возникают вопросы, где пределы региональной безопасности Ирана, каково в ней место Сирии как важного звена в более широких рамках стратегической линии в отношениях с США и Саудовской Аравией.

Позиция Турции, сделавшей ставку на быструю смену режима в Дамаске и приход к власти идеологически близких к правящей партии Реджепа Эрдогана исламистских организаций, пережила в ходе конфликта существенные метаморфозы. Смена акцентов в региональной политике происходила под воздействием осложнений в процессе перехода от парламентской республики к модели жёсткой президентской власти и разочарований в сирийской политике США и Евросоюза, с одной стороны, и осознания преимуществ от налаживания взаимодействия с Россией по Сирии в широких рамках двустороннего сотрудничества – с другой.

⁷ *Iranians respond to the regime: 'Leave Syria alone!' // Aljazeera. 2018. 2 May. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/iranians-respond-regime-leave-syria-180501081025309.html>*

Меняющуюся региональную картину во многом определял курдский фактор, роль которого во внутренней политике стран «курдского треугольника» (Сирия, Турция, Ирак) всегда была и остаётся значительной. Вскоре после начала военных действий правительство Сирии приняло решение о свёртывании своего военного присутствия в северо-восточных районах, которые перешли под контроль курдского большинства. Проводимая Эрдоганом война на два фронта – с режимом Асада и курдскими вооружёнными формированиями – не только не принесла успеха, но и привела к наращиванию террористических атак со стороны ИГИЛ уже в самой Турции. Участились трения с американцами, сделавшими ставку на курдов, которые продемонстрировали свою высокую боеспособность в проведении антитеррористических операций против ИГИЛ. В результате сложилась ситуация, когда сирийские курды, впервые получившие возможность сомкнуть свои анклав в Африне и Кобани, сочли этот исторический момент благоприятным для оформления на северных границах с Турцией автономного ареала (своего рода Западного Курдистана) с претензиями на провозглашение независимости. После разрыва перемирия с Курдской рабочей партией и прекращения легальной деятельности курдской оппозиции внутри Турции курдские отряды самообороны и их политическое крыло в Сирии – партия Национальный Союз – стали рассматриваться турецким руководством как террористическая организация наравне с ИГИЛ.

Курс на военное вмешательство собственными силами с целью очистить пограничную территорию к востоку от Евфрата от курдских отрядов, создать «буферную зону» безопасности на территории Сирии и подготовить условия для возвращения беженцев стали официальным обоснованием для совместных операций турецких вооружённых сил и Сирийской свободной армии на севере Сирии. Россия, поддерживающая партнёрские отношения с Турцией в рамках «астанинской тройки», с пониманием относится к этим озабоченностям, исходя при этом из заверений турецкого руководства о приверженности принципу территориальной целостности Сирии как конечной цели политического процесса.

Роль Саудовской Аравии в сирийском конфликте также претерпела значительные перемены. Бурное развитие событий в регионе и расширение сферы иранского влияния в Ираке, Ливане и Бахрейне укрепили в Эр-Рияде представление о том, что Иран вынашивает планы окружить «шиитским поясом» святыни ислама и дестабилизировать саудовскую монархию. С началом конфликта главные усилия саудовцев стали направляться на создание противовеса Ирану в Сирии путём консолидации идеологически близких

к ним исламистских сил. Финансирование этой части вооружённой оппозиции и распространение саудовского влияния на структурирование её политической части сыграли свою роль в эскалации военных действий не в пользу правительственных войск.

По мере того, как в развитии конфликта происходил перелом, баланс выигрышей и неудач складывался не в пользу военно-политических группировок, находящихся под саудовским влиянием. Политика, направленная на подрыв изнутри законного режима в Сирии, вступала в открытое противоречие с затянувшимся вооружённым вмешательством в Йемене под лозунгом восстановления той же «конституционной законности». Война на два фронта становилась всё более обременительной. Закрепление ИГИЛ в Сирии и Ираке дало импульс к расширению террористической активности на юге Аравийского полуострова и в самой Саудовской Аравии. Переход от ставки на скорое падение режима Асада к более реалистическому видению перспектив происходил также на фоне осложнившихся отношений с Соединёнными Штатами. Несмотря на их общую антииранскую направленность, в Саудовской Аравии усиливалось недовольство хаотичной и непредсказуемой политикой администрации Трампа на Ближнем Востоке. Возникли опасения, что США готовятся к уходу из региона, и, соответственно, ощущение неуверенности в получении поддержки в нужный момент, если Иран воспользуется образовавшимся вакуумом.

Параллельно, несмотря на разногласия между Саудовской Аравией и Россией по Сирии, шёл процесс выстраивания отношений между ними на базе более широких совместных интересов в региональной и глобальной политике. На этой основе в ходе регулярных контактов, в том числе на высшем уровне, постепенно достигалось взаимопонимание и по принципиальным подходам к сирийскому урегулированию, таким как искоренение террористической угрозы, скорейшее начало работы Конституционного Комитета, содействие расширению гуманитарных поставок и возвращению беженцев.

Действия России – и это признаётся всеми её оппонентами – внесли коренной перелом в развитие сирийского кризиса. К моменту начала военной кампании в Сирии правительственная армия и различные лояльные ей милицейские формирования вели бои на окраинах столицы, с трудом сдерживали наступление боевиков на южном фронте, и приход к власти «зелёного интернационала» в центре арабского мира был вполне прогнозируем. Именно тогда, летом 2015 г., президент Асад сказал свою известную фразу о необходимости «сохранить полезную Сирию»,

то есть «алавитский коридор» в западной части страны вдоль побережья от г. Дераа на юге до Латакии на севере, то есть не более 30–35% сирийской территории.

На сегодняшний день сложилась совершенно иная военная реальность. Дамаск вернул контроль над большей частью территории (по различным оценкам 68–70%), вооружённая оппозиция лишена возможности вести активные боевые действия, сохранив некоторые свои анклавы на северо-западе. «Арабский халифат» как квазигосударственное террористическое образование и его военная инфраструктура разгромлены. В то же время на пути перехода к постконфликтному урегулированию предстоит преодолеть множество препятствий, предвиденных и непредвиденных. Примерно одна треть сирийской территории находится под контролем Турции (северный анклав от турецкой провинции Хатай до западного берега реки Евфрат) и «Сирийских демократических сил», получивших специальную подготовку и оснащение от США, в северных и северо-восточных районах вдоль Евфрата. И, наконец, нерешённость проблемы провинции Идлиб на западе, где зона деэскалации захватывает часть провинций Халеб и Хама. Доминирующие позиции там удерживают радикальные исламисты джихадистского толка, сгруппировавшиеся вокруг террористической организации «Хей'ат Тахрир Аш-Шам»⁸.

Перипетии международного посредничества: между Женевой и Астаной

За восемь лет конфликта, который был с самого начала интернационализирован, в первую очередь самими арабскими государствами, сменилось три Специальных представителя Генерального Секретаря ООН по Сирии и предпринималось множество попыток найти пути к урегулированию совместными усилиями международного сообщества. Все они не привели к искомому результату, хотя, следует признать, внесли существенный вклад в мировую практику конфликтного урегулирования, дали богатый материал для объективного анализа причин неудач. В плоскость международных

⁸ Альянс террористических группировок во главе с запрещённой в России «Джабхат Ан-Нусра».

дискуссий были поставлены такие вопросы посреднической роли ООН, как: способен ли её специальный посланник, каким бы он ни был искусным переговорщиком, соблюдать беспристрастность, если члены Совета Безопасности (СБ ООН), перед которым он отчитывается, поддерживают разные стороны в конфликте, почему он постоянно обвиняется в пристрастности то одной, то другой из сторон, зависит ли успех миссии посредника от содержания его мандата и, наконец, может ли «жесткий мандат», каким располагал Верховный представитель Евросоюза в Боснии, быть более эффективным для поддержания необходимого давления на противоборствующие стороны.

В первые месяцы вооружённых столкновений посредническую миссию предприняла ЛАГ, усилия которой не увенчались успехом и были быстро свёрнуты. Режим и оппозиция рассчитывали на скорую победу при поддержке извне, а сирийское руководство имело все основания не доверять Лиге, которая находилась под влиянием Саудовской Аравии и Катара. С февраля 2012 г. начался отсчёт международного посредничества по линии ООН. После того, как СБ ООН оказался неспособным выработать согласованные решения (линия Запада совместно с арабскими государствами Персидского залива на международную легализацию вмешательства встречала решительное вето со стороны России и Китая), Генеральная Ассамблея поручила Генеральному секретарю назначить своего специального представителя по Сирии. Им стал бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, имевший большой опыт миротворческой деятельности.

План из шести пунктов, разработанный международным посредником, предусматривал меры по прекращению военных действий, развёртывание наблюдательной миссии ООН и переход к межсирийским переговорам при международном содействии⁹. Однако этот простой и в теории правильный план не получил солидарной поддержки в СБ ООН, а его реализация была сорвана самими сирийскими сторонами. Наблюдатели ООН не смогли продолжать свою деятельность в условиях непрекращавшихся военных действий, провокаций с различных сторон и искусственных ограничений на передвижение со стороны сирийских властей. В июне 2012 г. Аннан подал в отставку, не проработав на своём посту и шести месяцев.

Вместе с тем, миссия Аннана подготовила почву для выработки первого консенсусного международного документа, Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., и затем на этой основе – резолюции СБ ООН 2254 (2015 г.), заложивших правовую базу сирийского урегулирования. Ведущую

⁹ *Letter of UN Secretary General BAN Ki-Moon to Ms. Susan Rise, President of the Security Council. New York. 2012. April 18. P.1.*

роль в этой работе сыграло деловое взаимодействие России и США, которые, несмотря на имеющиеся разногласия в рамках «Группы действий по Сирии», смогли в то время прийти к согласию в отношении главных принципов международного сопровождения усилий самих сирийцев по выходу из кризиса. Эти документы оставались основой мандата для последующих Специальных представителей Генерального Секретаря — бывшего министра иностранных дел Алжира Лахдара Брахими и Стефана де Мистуры, возглавлявшего ранее миссии ООН в Ираке и Афганистане.

С самого начала посредничества по линии ООН политический процесс столкнулся с трудностями. Принятые международно-правовые документы содержали руководящие принципы урегулирования и «дорожную карту» с указанием ориентиров по времени для каждого из его этапов (формирование переходного органа с исполнительными полномочиями, разработка проекта новой конституции, проведение свободных выборов под международным контролем). Из всего комплекса причин, предопределивших в конечном счёте тупик переговорного процесса на Женевском треке, наиболее существенными представляются следующие:

- Согласно документам по сирийскому урегулированию, СБ ООН рассматривается как главный и единственный механизм имплементации и инструмент поддержки Спецпредставителя. При возникновении раскола в его рядах политический капитал международного посредничества девальвировался.
- Обострение российско-американских разногласий в трактовке положений Женевского коммюнике и резолюции СБ ООН 2254, относящихся к содержанию переходного периода и очередности шагов. Наибольшие столкновения вызывали такие вопросы, как статус и полномочия «переходного управляющего органа», роль и место в этот период президента Асада. Вплоть до последнего времени США и оппозиция ставили его отставку предварительным условием начала прямых межсирийских переговоров. Для такой натянутой интерпретации в текстах основополагающих документов весомых оснований не было.
- Отсутствие поддержки с сирийских сторон, связывающих свои расчёты с военной победой. В сентябре 2016 г. российско-американское взаимодействие было прервано, что осложнило усилия международного посредника по принуждению сирийцев к переговорам. Перерывы между раундами становились всё продолжительней, эскалация насилия продолжалась, а политические вопросы затенялись нараставшим комом гуманитарных проблем.

- Долгие дискуссии на тему, что вначале, а что потом: борьба с терроризмом или договорённости о параметрах переходного периода, то есть раздела власти.
- Разрозненность политической оппозиции, бесконечные внутренние трения и перестановки в её рядах в борьбе за лидерство, неспособность заручиться поддержкой со стороны боевых командиров на местах, между которыми также разгорались конфликты как отражение соперничества Саудовской Аравии, Катара и Турции.
- Отсутствие достаточного внешнего давления на сирийские стороны. Если по мере успехов сирийской армии на поле военных действий после российского вмешательства завышенные требования оппозиции склонялись к умеренности, то Дамаск проявлял всё меньше готовности к уступкам и даже ужесточал свои политические позиции.
- Фрагментация межсирийских и международных переговорных площадок, что снижало значимость Женевского формата.

Следует констатировать, что в ходе интенсивных переговоров в различных форматах и комбинациях участников двум крупным дипломатам международного уровня, наделённым международным мандатом, не удалось добиться эффективного прекращения военных действий, обеспечить беспрепятственную доставку гуманитарной помощи и вывести правительство Сирии и оппозицию на прямые переговоры. В то же время во многом благодаря их усилиям вялый политический процесс в Женеве поддерживался на плаву и постепенно вырисовывались его слабые места. С начала 2017 г. стало понятно, что для выхода из затянувшегося политического тупика требуется стабилизация военной обстановки. Акцент с российской стороны был сделан на взаимодействии с Турцией, которая расширила к тому времени сферу своего влияния на различные организации сирийских боевиков и, со своей стороны, проявляла желание сотрудничать с Россией в Сирии. С подключением Ирана, также заинтересованного в деэскалации военных действий, образовался такой переговорный механизм, как Астанинский формат (по названию столицы Казахстана, где проходили первые встречи).

Работа в этом формате, в которой принимал участие и Стефан де Мистура, имела свои особенности и преимущества. Представители сирийского правительства впервые сели за стол переговоров с командирами отрядов вооружённой оппозиции, теми самыми, которые назывались в Дамаске террористами. Россия, Турция и Иран, действуя

скоординировано и на параллельных курсах, выступали гарантами выполнения достигнутых договорённостей. Турция обеспечивала «кооперативное поведение» тех отрядов, на которые она имеет влияние, а Россия старалась добиться того же от Дамаска. Иран в этой сложной схеме должен был сдерживать неконтролируемые действия «Хизбаллы» и отрядов шиитского ополчения. Важным итогом регулярных встреч под эгидой «астанинской тройки» были соглашения о четырёх зонах деэскалации, которые позволили на время снять накал по линиям военных действий, активизировать работу по достижению перемирия на местах. Оппозиция придавала большое значение решению вопросов, связанных с мерами доверия (освобождение заключённых, обмен пленными), разблокированием ряда населённых пунктов и оказанием гуманитарной помощи районам, находившимся в бедственном положении.

Повестка дня межсирийских переговоров в Астане по мере их продолжения стала расширяться. Это вызывало негативную реакцию США и ведущих стран Евросоюза, по заявлениям которых Астанинский формат заходит на политическое поле, отведённое по резолюции СБ ООН 2254 Женеве при посредничестве Спецпредставителя Генерального секретаря ООН. Вопрос о том, как соотносятся между собой оба этих формата, долгое время отягощал отношения с западными партнёрами, которые высказывали недоверие к миротворческим усилиям Москвы, подозревая её в попытках «обойти» ключевые положения ооновских документов и девальвировать роль миссии ООН в сирийском урегулировании. С российской стороны при этом не раз давались разъяснения, что переговоры в Астане и встречи в верхах между Россией, Турцией и Ираном нацелены на «поиск компромиссных решений» с целью «помочь Женевскому процессу», что политико-дипломатическому решению сирийского кризиса на международно-правовой основе нет альтернативы.

В то же время новые реалии в военном противостоянии и изменение в соотношении сил между режимом и оппозицией потребовали внесения определённых корректировок в порядок и очерёдность действий по выполнению ключевых положений резолюции СБ ООН 2254. Сирийское руководство, сотрудничая со Спецпредставителем ООН, отказывалось обсуждать по существу вопрос о создании «переходного управляющего органа», способного «в полном объёме осуществлять полномочия исполнительной власти», как об этом записано в Женевском коммюнике. Вместо этого выдвигались различные варианты проведения в Дамаске широкого диалога с целью формирования правительства национального единства — для оппозиции совершенно неприемлемые.

Отсюда возникла идея начать предметный межсирийский диалог с обсуждения проекта новой конституции, принятие которой включено одним из центральных пунктов в «дорожную карту» политического процесса. С конца 2017 г. фокус работы Спецпредставителя с сирийскими сторонами при содействии России, Турции и Ирана, проводивших регулярные встречи на высшем уровне, переместился на формирование состава Конституционного комитета. Значительный вклад в эти усилия внёс Конгресс сирийского национального диалога в Сочи (январь 2018 г.), который принял принципиальное решение о начале конкретной работы по линии ООН над подготовкой проекта конституции.

Усилия Стефана де Мистуры в этом направлении, продолжавшиеся вплоть до его отставки в декабре 2018 г., со всей очевидностью показали, насколько велика пропасть взаимного недоверия между всеми сторонами, имеющими рычаги политического влияния, и как трудно найти точки совпадения интересов. Россия, со своей стороны, стремилась выстроить широкое поле согласия на «сбалансированной и инклюзивной основе» вокруг кандидатур в состав «третьего списка», представляющего гражданское общество и независимых экспертов (состав членов Комитета от правительства и оппозиции был в конце концов представлен). Однако её ведущая роль на этом направлении встречала ревностное отношение со стороны западных партнёров. В то же время формирование окончательного состава Конституционного Комитета осложнялось позицией Дамаска, который рассматривает подготовку конституции как «чисто суверенное дело» сирийского народа без «какого-либо иностранного вмешательства», тем самым в определённой степени дезавуируя ооновский трек.

Вместе с тем к началу 2019 г. сложилась обстановка, в целом благоприятствующая постепенному переходу от военной фазы к политическому процессу. Наметился своего рода консенсус вокруг того, что в новой обстановке парадигма переговорного трека «Женева-2» по схеме «платформа режима» versus «платформа оппозиции» себя изжила и дальнейшее продвижение по этому пути становится малоперспективным¹⁰. Новые военные реалии признаются Соединёнными Штатами и европейскими партнёрами России, которые в настоящее время не заостряют вопрос о смене режима, делают акцент на скорейшем проведении конституционной реформы и последующем проведении свободных выборов под эгидой ООН в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254. Весь вопрос в том, как привести к единому знаменателю все составные части политического процесса и возможно ли это в принципе в условиях нарастающего конфликта между Россией и Западом.

¹⁰ *Centralization and Decentralization in Syria: Concepts and Practicies. Fourth Annual Book, Omran Center for Strategic Studies. 2018. November 15. P.13.*

Основные компоненты сирийского урегулирования

К числу базовых элементов, без которых возвращение Сирии к миру и национальному примирению не представляется возможным, следует отнести такие направления, как реформа конституционно-государственного устройства, экономическая реконструкция и налаживание срочной гуманитарной помощи, в чём нуждается более половины населения, возвращение беженцев, реорганизация армии и силовых структур, проведение выборов под надзором со стороны ООН и многое другое. Соединение всех этих элементов в одном стабилизационном пакете – важная, хотя и трудновыполнимая задача, требующая усилий многосторонней дипломатии при достижении минимального уровня международного взаимопонимания.

Государственно-политическое устройство послевоенной Сирии и его конституционная легитимация – один из ключевых вопросов, вокруг которого сталкиваются интересы внешних сил и концентрируются межсирийские разногласия. Определение графика и процедуры разработки проекта новой конституции записано в резолюции СБ ООН 2254 как одно из центральных положений в ходе перехода к «инклюзивному правлению на внеконфессиональной основе». При всех разночтениях, касающихся последовательности шагов в переходный период, в международном сообществе постепенно вырисовывается более или менее общее понимание – отправным пунктом должно быть начало конституционного процесса, ведомого, как предусмотрено резолюцией, самими сирийцами.

Среди сирийских юристов и политологов обозначилось два подхода – принятие новой конституции либо внесение поправок в ныне действующий закон 2012 г. Официальный Дамаск подвергает сомнению саму необходимость принятия новой конституции, полагая, что он способен решить все эти вопросы самостоятельно, без существенных уступок. Сирийская оппозиция, раздираемая разногласиями по многим другим вопросам, выступала в принципе за разработку и принятие новой конституции. Однако в последнее время многие её реалистически мыслящие представители выражают согласие взять за основу конституцию

2012 г., но при условии внесения в неё существенных поправок¹¹. Их смысл, по существу, означает переход от жёстко президентской к президентско-парламентской форме правления с децентрализацией административно-государственного устройства, но при сохранении унитарного характера государства и закреплении в конституции необходимых гарантий его территориальной целостности. Любые формы федерации рассматриваются как расчленение Сирии и категорически отклоняются как режимом, так и большинством оппозиции. Это немного, что их объединяет.

Одобрённая на референдуме в условиях нараставшего гражданского конфликта конституция 2012 г., по мнению оппозиционеров, не может считаться продуктом национального консенсуса. Конституционная комиссия была образована прямым декретом президента, то есть путём назначения. Проект конституции не прошёл стадию публичного общественного обсуждения, что в условиях вооружённых столкновений, принимавших всё более масштабный характер, вряд ли было практически возможным. Возражения, по существу, сводятся к отсутствию недвусмысленной записи в конституции, указывающей на разделение властей, к требованиям ввести ограничения на полномочия института президентской власти (в этой части конституция претерпела незначительные изменения), расширить права местных органов власти и этнических меньшинств в сторону децентрализации, обеспечить независимость судебной власти¹².

Формирование Конституционного комитета, столкнувшееся с серьёзными трудностями, показало, что выработка поправок в текст действующей конституции займёт немало времени. Особое место занимает тема территориально-административного устройства страны, если учесть роль курдского фактора.

За время военных действий курдам при поддержке американцев, сделавших на них ставку в борьбе с ИГИЛ, удалось создать сильную военную структуру и сформировать в северных и восточных районах Сирии систему местных органов власти, неподконтрольных Дамаску. Неопределённость с сохранением военного присутствия США в Сирии и непредсказуемость Вашингтона в качестве союзника поставили курдов

¹¹ *Constitutional Options for Syria. United Nations Economic and Social Commission for Western Asia. National Agenda for the Future of Syria (NAFS) Programme. 2017. URL: <http://nafsprogramme.info/library/constitutional-options-syria.htm>*

¹² Аль-Бунни А. *Критическое прочтение новой сирийской конституции (на арабском языке)*.

перед необходимостью сделать выбор между отражением военной угрозы со стороны Турции или достижением договорённостей с Дамаском. Курдское руководство стремится сохранить автономный статус своих кантонов, где они имеют позиции де-факто, и не допустить расформирования подразделений «Сирийских демократических сил», которые могли бы взять на себя ответственность за обеспечение безопасности территорий к востоку от Евфрата.

Позиция правительства Сирии в отношении предоставления курдам особого административного статуса существенно не изменилась. Согласно заявлению министра по вопросам национального примирения Сирии Али Хейдара, ни одна из сирийских провинций не может иметь «преференции, отличающие её от других провинций или этнических групп»¹³. Переговоры на этот счёт продолжаются, и речь может идти о различных форматах децентрализации, в том числе — о децентрализации на уровне местных сообществ или о создании некоей ассиметричной территориально-административной структуры. Подходящей основой для обсуждений всего комплекса этих вопросов мог бы стать приемлемый для оппозиции действующий Закон №107 о местном самоуправлении.

Другой насущный вопрос урегулирования сирийского конфликта — это восстановление экономики. Из всех конфликтных очагов в регионе Сирия понесла наибольшие потери в виде материальных разрушений, людских жертв и снижения качества человеческого капитала. За годы войны ВВП республики сократился более чем вдвое, в то время как по предвоенному экономическому плану он должен был вырасти на 40%. Бюджетный дефицит увеличился более чем в 16 раз. Общий ущерб от военных действий оценивается ООН суммой в \$250 млрд, в то время как сирийское правительство говорит о \$400 млрд, необходимых только для восстановления инфраструктуры. Нужды в гуманитарной помощи, по подсчётам экспертов, также составляют внушительную сумму — \$20 млрд. От недоедания страдают более 70% семей, жизнь 80% сирийцев опустилась ниже черты бедности, а её продолжительность сократилась на 20 лет.

В этих условиях Сирия не может восстановиться без привлечения внешней помощи. Финансовый ущерб и разрушения достигли таких

¹³ *Syria's Kurdish-Led Northeast to be Treated Like Rest of Country: Syrian Minister // Reuters. 2018. September 4. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-kurds/syrias-kurdish-led-northeast-to-be-treated-like-rest-of-country-syrian-minister-idUSKCN1LK2FN>*

масштабов, которые делают задачу реконструкции её экономики неподъёмной ни для самой Сирии, ни для какого-либо одного государства или даже группы государств. Исходя из понимания важности экономической и гуманитарной составляющих в процессе урегулирования, Россия обратилась к США, ЕС и другим потенциальным донорам с предложением объединить усилия в мобилизации ресурсов на восстановление экономики и в возвращении беженцев.

Однако при всём осознании масштабов материального ущерба и гуманитарной катастрофы, самой крупной со времени Второй мировой войны, согласованная линия на международном уровне, в том числе в системе ООН, по-прежнему отсутствует. США и страны Евросоюза отказываются направлять финансирование на цели реконструкции районов Сирии, находящихся под контролем сирийского правительства (а это более 70% наиболее населённой территории с наиболее разрушенной инфраструктурой). В качестве условия выдвигается трансформация Сирии в соответствии с «заслуживающим доверия» политическим процессом. При этом в первую очередь имеется в виду разработка и принятие новой сирийской конституции и проведение «свободных и справедливых выборов», организованных «под надзором со стороны ООН».

Политическую обусловленность помощи на цели реконструкции Запад рассчитывает использовать как инструмент давления на Дамаск и его союзников. Отказ сотрудничать напрямую с сирийским правительством кроме политических соображений аргументируется необходимостью проведения реформ государственного управления, изменения законодательства в сфере собственности и инвестиций. В условиях действующей в стране «военной экономики» поступление международной экономической помощи через официальные каналы, по мнению западных экспертов, неизбежно будет вести к закреплению позиций обслуживающих интересы режима коррумпированных бизнесменов и структур, различных аффилированных с ним милиций, удерживающих власть на местах¹⁴. Положение осложняется ещё и тем, что руководство Сирии, со своей стороны, также политизирует вопросы экономической реконструкции, декларируя неготовность получать помощь от «пособников терроризма». Расчёт при этом делается на то, что подходы ряда стран Евросоюза могут и измениться в случае, если Дамаск проявит достаточную твёрдость. Показательны в этом отношении заявления президента

¹⁴ Heydeman S. *Rules for Reconstruction in Syria* // *Brookings*. 2017. August 24. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2017/08/24/rules-for-reconstruction-in-syria/>

Асада о том, что «сирийцы способны самостоятельно восстановить свою страну» и «помощь стран Запада в этом им не понадобится»¹⁵. Среди европейских стран в последнее время действительно наметились расхождения в позициях между теми, кто решительно против сотрудничества с «режимом, не подлежащим реформированию», и теми, кто придерживается примиренческого подхода в расчёте на скорую стабилизацию или участие компаний своих государств в выгодных проектах¹⁶.

Сегодня очевидно, что выработка согласованного проекта экономической реабилитации Сирии является задачей всего международного сообщества с учётом того, что тяжёлые политические и гуманитарные последствия конфликта вышли далеко за пределы ближневосточного региона. Здесь могла бы быть найдена та точка совпадения интересов, которая позволила бы увязать многосторонние действия на политическом треке в один стабилизационный пакет.

С реконструкцией Сирии неразрывно связана проблема возвращения беженцев. Сирийские беженцы составляют на сегодня не менее одной трети перемещённых лиц во всём мире. В результате конфликта, по данным ООН, лишилось мест постоянного проживания около половины довоенного населения Сирии (5,6 млн беженцев и 6,6 млн внутренне перемещённых лиц). Наибольшее количество беженцев сосредоточено в Турции (3,5 млн), Ливане (1 млн) и в Иордании (650 тыс.)¹⁷. Эта проблема продолжает оказывать депрессивное воздействие на экономику соседних стран, создаёт для них серьёзные внутривнутриполитические и социальные трудности. Для Ливана, где сирийцы составляют 20% населения, беженцы, по выражению премьер-министра Саада Харири, превратились в «бомбу замедленного действия». Рост реального ВВП Иордании в течение последних трёх лет сокращается, а показатель дохода на душу населения с 2012 г. находится на нуле¹⁸.

Правительство Сирии должно быть заинтересовано в создании благоприятных условий для возвращения беженцев по целому ряду очевидных причин. Это и восстановление доверия, и привлечение

¹⁵ Асад отказался от помощи Запада в восстановлении Сирии // РБК. 2018. 24 июня. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/06/2018/5b2f7e079a7947893e238e9d?from=main_right

¹⁶ Asseburg M., Oweis K.Y. Syria's Reconstruction Scramble // German Institute For International and Security Affairs. December 2017. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/syrias-reconstruction-scramble/>

¹⁷ Syria Emergency // The UN Refugee Agency. URL: <http://www.unhcr.org/syria-emergency.html>

¹⁸ Nemeh B. Jordan's burden // Carnegie Middle East Center. 2017. March 21. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/68330>

в экономику среднего предпринимательского класса, и нормализация отношений с Западом, и, что немаловажно, проведение выборов (президентские выборы предстоят в 2021 г.), которые были бы признаны как легитимные. По призыву России и во многом благодаря её инициативам в середине 2018 г. начался процесс возвращения беженцев, в основном из Ливана и Иордании, а также из Турции в районы, не контролируемые правительством Сирии. Началу полномасштабного возвращения препятствует целый ряд обстоятельств. В первую очередь, это позиция США и стран-членов ЕС, которые считают, что внутренние условия для добровольного и безопасного возвращения пока не созданы. Такой же позиции придерживается Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. В контактах с правительством Сирии его представители добиваются более широкого присутствия в Сирии для оказания помощи беженцам на местах и повышения степени доверия¹⁹. Объективно говоря, сложная военно-политическая обстановка, сохраняющаяся неопределённость с перспективами политического процесса не создают достаточных условий для скорого возвращения беженцев, а с течением времени такая вероятность, как показывает, например, боснийский опыт, будет сокращаться. Согласно исследованию Фонда Карнеги, «несмотря на желание большинства беженцев вернуться домой, маловероятно, что они смогут сделать это в ближайшее время, даже в том случае, если прекратятся военные действия»²⁰.

Для создания внутренней среды, которая стимулировала бы начало широкомасштабного процесса возвращения, требуется, по международной практике в других конфликтных зонах, соблюдение целого ряда предварительных условий. Среди них решение таких вопросов, как обеспечение безопасности, правовые гарантии прав собственности, возможность возвращения к прежним местам проживания, амнистия уклонистов от призыва в армию, наличие рабочих мест и социальных услуг, восстановление системы здравоохранения и образования. То есть многое здесь зависит от самого правительства Сирии — насколько оно способно решать такие масштабные задачи и имеется ли для этого соответствующая политическая воля.

¹⁹ U.N. agency calls for more access in Syria to help refugees return // Reuters. 2019. March 9. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-refugees-grand/ u-n-agency-calls-for-more-access-in-syria-to-help-refugees-return-idUSKBN1QQOJM>

²⁰ Yahya M., Kassir J., Hariri K. Unheard Voices: What Syrian Refugees Need to Return Home // Carnegie Middle East Center. 2018. April 16. URL: <https://carnegie-mec.org/2018/04/16/refugee-attitudes-toward-return-to-syria-pub-76061>

Между тем представители оппозиции, склонной договариваться с правительством, и западные источники отмечают непоследовательность и противоречивость действий официального Дамаска на этом направлении постконфликтной реконструкции Сирии. Большое недоумение вызвал принятый 2 апреля 2018 г. Закон №10 о недвижимости²¹. Новый закон даёт правительству Сирии возможность изымать недвижимость и пускать её под городскую застройку (редевелопмент) без соблюдения надлежащих процедур и выплаты компенсации владельцам. Жителям Сирии независимо от мест их фактического проживания предписывалось в течение 30 дней предоставить документы о собственности, что для беженцев представлялось практически нереальным. По многим оценкам, продвигаемый властями закон направлен против противников режима с целью создать условия для заселения районов новых застроек в крупных городах «лоялистами». Хотя впоследствии давались успокаивающие пояснения и вносились поправки в правоприменение, сам факт принятия этого Закона не способствовал восстановлению доверия и имел отрицательный резонанс.

Выполнение других условий, способствующих возвращению, требует проведения реальных социально-экономических реформ, реорганизации множества спецслужб и армии, реинтеграции комбатантов в мирную жизнь, перестройки правовой системы и, что самое главное, — изменения самого менталитета от мышления категориями «победитель получает всё» на логику подлинного национального примирения по принципу «ни победителей, ни побеждённых». Такие перемены займут, разумеется, довольно продолжительное время с учётом сопротивления со стороны тех сил внутри режима, которые не заинтересованы в коренных реформах, и со стороны радикальных исламистов, не готовых к компромиссам.

Таким образом, реально складывающаяся обстановка подсказывает необходимость выстраивать целостный подход, подразумевающий движение одновременно по трём направлениям — конституционно-политическое устройство, экономическая реконструкция и возвращение беженцев. На определённом этапе первое звено в этой цепочке может и должно быть приоритетным.

²¹ *Assad's property law hits hope of return for Syrians in Germany // Reuters. June 14, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-germany-insight/assads-property-law-hits-hope-of-return-for-syrians-in-germany-idUSKBN1JA1V1>*

Перспективы послевоенной Сирии: интересы России

За годы военных усилий Россия, в том числе её военная дипломатия, достигла многого из тех стратегических целей, которые ставились перед сирийской операцией:

- поставлен предел насильственной смене режима в Сирии;
- предотвращён приход к власти радикальных исламистов с дальнейшей дестабилизацией всего региона и переливом воинствующего исламизма на территорию России;
- ИГИЛ как террористическое территориальное образование и его военная инфраструктура разгромлены, и хотя совместную анти-террористическую коалицию, к чему призывала Россия, создать не получилось, Россия и США действовали в борьбе с ИГИЛ, пусть и отдельно, но всё же на параллельных курсах;
- под контроль правительства Сирии возвращено более двух третей сирийской территории;
- закреплены позиции России в восточной части Средиземноморья, исторически важные для российского флота;
- подтверждён статус России как мировой державы.

Возникает вопрос: что дальше? Какая должна быть последовательность действий в сочетании военных усилий и политической дипломатии?

Военно-политическая обстановка «на земле» ограничивает возможности Дамаска принимать самостоятельные решения о дальнейшем продвижении правительственных войск. Освобождение Идлиба, северных и восточных территорий силовым путём помимо трудностей военного и гуманитарного порядка сопряжено с достижением политических договорённостей и каких-то сложных компромиссных решений в более широком формате — не только между Россией, Турцией и Ираном. На этом этапе от России требуется проявить искусство дипломатического маневрирования, чтобы сохранить взаимопонимание со своими партнёрами по Астанинскому процессу и в то же время не оттолкнуть от себя Израиль. Совместить законные опасения Ирана и Израиля в сфере безопасности и не допустить столкновения между ними будет непростой задачей.

Нельзя сбрасывать со счетов и возможность налаживания рабочих отношений с США по постконфликтному урегулированию в Сирии, то есть за пределами военных каналов связи, которые, по оценкам обеих сторон, функционируют успешно. Несмотря на заявления Трампа, США отнюдь не намерены сворачивать своё военное присутствие. Будет ли сокращение и, если будет, то насколько, в данном случае не имеет значения, поскольку спецназ на востоке Сирии, как это уже показывали американцы, находится под постоянной защитой ВВС США. Сохранение ограниченного контингента в Сирии, по мнению большинства в американском военно-политическом истеблишменте, рассматривается как способ «держать флаг» в ходе многосторонних переговоров по Сирии и одновременно контролировать линии военных коммуникаций Ирана между Ираком, Иорданией и Ливаном.

Новый расклад сил в конфликте ознаменовал как бы завершение его военной фазы и создал предпосылки для продвижения на политическом треке. Вопрос в том, что понимать под политическим решением – урегулирование на долговременной основе или его имитация путём поверхностных изменений. Уже сейчас заметно, что рисуется картина одержанной победы. Это особенно проявляется в триумфаторских настроениях Дамаска. Военное решение, о невозможности которого твердили все участники конфликта, мол, уже состоялось, и дальнейший политический процесс должен теперь проходить под диктовку победителей. Тактика сирийского руководства, как её наметил президент Сирии Башар Асад, состоит в том, чтобы добиваться примирения, а если это окажется недействительным, то использовать военную силу для освобождения всей страны, в том числе и от «американской оккупации»²².

Такой подход таит в себе немалые опасности. Как показывает мировой опыт гражданских войн, полная победа одной из сторон отнюдь не гарантирует наступление мира, если проблемы, изначально ставшие источником конфликта, остаются нерешёнными и сохраняется недружественное для победителей внешнее окружение.

Запад фактически признаёт, что России принадлежит «ключевая роль», но в то же время ставит препятствия, добиваясь от неё оказания давления на Дамаск, который всегда был для Москвы нужным, но трудным партнёром. Тем самым на Дамаск и его «союзников» в определённой степени возлагается ответственность за конечный результат. Если получится найти точки соприкосновения с Россией на почве совместного видения послевоенной

²² Газдиев М. «Либо у нас есть страна, либо её нет»: Асад о будущем Сирии и поддержке со стороны России // RT. 2018. 31 мая. URL: <https://russian.rt.com/world/article/518376-intevyu-bashar-asad>

Сирии, то США и Европа будут готовы к взаимодействию, если нет — то любой из действующих игроков на сирийском направлении имеет возможности дестабилизировать обстановку, сыграв роль спойлера.

В интересах России вести дело к урегулированию на устойчивой основе, исходя из того понимания, что политическое устройство Сирии не может оставаться таким, каким оно было до войны. Новая военная реальность должна закрепиться построением такой властной конструкции, которая опиралась бы на действительно инклюзивную базу, представляющую широкий спектр национально-патриотических сил, в том числе политические интересы суннитского большинства. В противном случае плоды военного успеха со временем могут быть упущены.

Важное значение для достижения долговременного урегулирования имеет также восстановление отношений Сирии не только с её ближайшим окружением — здесь наметились некоторые сдвиги, — но и с внешним миром. В интересах России добиваться такого урегулирования, которое было бы итогом международного согласия. Составной частью такого согласия должно быть признание легитимности реформированного сирийского режима и военного присутствия России в Сирии на долгосрочной основе. В том случае, если Россия более открыто и понятно обозначит свои стратегические интересы в Сирии и готовность к многосторонним компромиссам, у неё имеется достаточно возможностей и военно-политического влияния для обеспечения своих интересов неконфронтационным путём. Растопить лёд взаимной вражды и ненависти после стольких жертв и гуманитарных катастроф можно только путём долгих, терпеливых и, главное, непрерывных многосторонних усилий в различных комбинациях.

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

 t.me/valdaiclub

 ValdaiClub

 valdaiclubcom

valdai@valdaiclub.com